

Николай Почтовалов

**ПОЖЕЛАЙ
СЕБЕ УДАЧИ**
(стихи и песни)

Петрозаводск

МЫ ЗАБЫЛИ

Мы ночами устали жить с тобой одиноко
под пустыми глазами занавешенных окон...

Мы забыли, что небо нам звездой улыбнется,
мы забыли, что всё же нам с тобою поется...

Мы забыли, что кто-то ждёт и нас в этой жизни,
мы забыли, что утро новым солнышком брызнет...

Мы забыли, что где-то бьётся сердце другое,
мы забыли, что это наши силы удвоит...

Мы не можем поверить этой ночью до света,
что не спится кому-то, как и нам, только где-то...

Мы забыли проститься, но... прощаться не надо,
просто ночью мы часто одиночеству рады...

В ЧИСТОМ ПОЛЕ

В чистом поле воеет ветер,
продувая грудь насквозь...
Надоело всё на свете,
будто вовсе не жилось,
не страдалось, не любилось,
не хотелось, не моглось...
Ах, зачем, — скажи на милость, —
мне под сердцем эта злость?
Но струится вдаль дорога
в дымке утренней зари —
до родимого порога,
где свеча в окне горит.
Там тепло родного дома
сердце сможет отогреть,
там до боли всё знакомо,
там найти не сможет смерть...
В чистом поле воеет ветер,
но... не выстынет душа.

Дай нам Бог надежду встретить, —
только б с ней не оплошать!

В ТИШИНУ ОБЛАКОВ

В тишину облаков
залетает не каждая птица,
и не в силах она
этим правом со мной поделиться,
но смогу я и сам
оказаться в заоблачных даях:
далеко, далеко,
далеко от тоски и печали,
и парить в облаках
над лесами, полями, домами,
и дымком исчезать
над зажжёнными вами кострами.

Разбужу облака
и нарушу пустое молчанье,
за летящей звездой
за тебя загадаю желанье:
чтобы реки текли,
чтоб леса и поля зеленели,
чтобы в жизни своей
вы ошибки исправить успели...
чтоб парить в облаках
над лесами, полями, домами,
и дымком исчезать
над зажжёнными вами кострами.

Буду вместе с луной,
может быть, я в ночи третьим лишним,
и кричать в небесах
просто так, от души — по-мальчишьи,
и листвою шелестеть,
ветерка направленья меняя,
и безудержно петь,
капли дождика сверху роняя,
и парить в облаках
над лесами, полями, домами,
и дымком исчезать
над зажжёнными вами кострами.

В тишину облаков
залетает не каждая птица,
и не в силах она
этим правом со мной поделиться,
но смогу я и сам
оказаться в заоблачных даях:
далеко, далеко,
далеко от тоски и печали,
и парить в облаках
над лесами, полями, домами,
и дымком исчезать
над зажжёнными вами кострами...

УЕДУ В БРУСНО

Когда устану я от будней городских,
когда почувствую, что в них уже закис,
когда — как будто миг до гробовой доски,
когда захочется сказать себе: прости, —
уеду в Брусно, чтоб услышать тишину,
чтобы на время годы юности вернуть:
пусть там, у баньки прионежской под окном,
они аукнутся, - забытые давно.

Когда удача отвернётся без причин,
когда надежда затеряется в ночи,
когда исчезнут в небе солнышка лучи,
когда под ковриком я не найду ключи, —
уеду в Брусно, чтоб услышать тишину,
чтобы на время годы юности вернуть:
пусть там, у баньки прионежской под окном,
они аукнутся, — забытые давно.

Когда в Москве со мной заблудится печаль,
когда останется всё сызнова начать,
когда не стерпится о чём-то закричать,
когда захочется вдруг сердцу застучать, -
уеду в Брусно, чтоб услышать тишину,
чтобы на время годы юности вернуть:
пусть там, у баньки прионежской под окном,
они аукнутся, - забытые давно.

ВЕЧЕР НА ПАМЯТЬ

Прощальный ужин на столе,
и мы с тобой сидим угрюмо:
есть время — до утра подумать,
чтобы — потом не сожалеть.
Бокалы с приторным вином
дрожат от соприкосновенья,
а тень моя с твоею тенью
как будто снова за одно...

Как громко тикают часы!
И за окошком кто-то бродит...
Хоть нам и кажется, что — вроде
все наши помыслы чисты...
что мы уходим без помех,
прощая все грехи друг другу...,
не зная, что... идём по кругу,
и грех — рождает... новый грех.

НЕ УХОДИ

Не уходи... В тумане боль не тает...
Не уходи... Кто всё забыть заставит?...
Уходят осень и зима, и лето,
но возвращает всё весна...
Не уходи: прощаньем не согреться...
Не уходи: простить не сможет сердце...
На все вопросы есть всегда ответы, —
но будет долго не до сна...

Не уходи: так трудно в одиночку..
Не уходи: не надо ставить точку..
Уходит день, уходят ночь и вечер..
но возвращает всё рассвет..
Не уходи: костер ещё не гаснет..
Не уходи: ведь это просто — счастье..
Ведь лучше не прощания, а — встречи,
И лучше — да, чем снова - нет...

Не уходи: уставшим нет дороги...
Не уходи: решают все не боги...
Уходят годы в монотонных буднях,
но возвращает их любовь...
Не уходи: в глазах твоих удача...
Не уходи: всё может быть иначе...
Все — начинается и — только будет,
и — повторится вновь и вновь...

ЗВОНОК ИЗ ПРОШЛОГО

Если бы чёрными днями покорно
небо спускалось мне пледом на плечи,
если бы двор мой неведомый дворник
мёл неустанно в простуженный вечер...

Если бы ветер все желтые листья
выдул из города осенью стылой,
если бы слал ты мне тысячи писем, —
я бы тебе всё, наверно, простила...

БЕССОННИЦА

Мне бы в этой круговерти обрести покой.
Мне бы в жизни, да и в смерти — не болеть тоской.
Мне б на краешке Земли обустроиться, —
чтоб жена могла чуть-чуть успокоиться.
Мне бы солнышка в семье, — ну, хоть за тучами.
Мне б такие видеть сны — да, чтоб не мучили.
Мне б на краешке Земли обустроиться, —
чтоб жена могла чуть-чуть успокоиться.
Там, на краешке Земли, — не валяются в пыли
честь и верность, как на паперти копеечка.
Там — покой и тишина. Там бы — верила жена,
что наладится и в жизни помаленечку.

Мне бы сыновей своих — да, не в солдатики, —
пусть бы лучше послужили математике.
Мне б на краешке Земли обустроиться,
чтоб жена могла чуть-чуть успокоиться.
Мне бы жить в ладу со всеми, чтоб не каяться.
Мне б дышать весенним ветром и не маяться.
Мне б на краешке Земли обустроиться,
чтоб жена могла чуть-чуть успокоиться.

Но летят деньки-денёчки неразборчиво,
и судьба моя — подружка — не сговорчива...
Мне на краешке Земли — не пристроиться,
и жене моей вовек — не успокоиться.
Ну, хоть бы — горсточку земли,

Где не валяются в пыли
честь и верность, как на паперти копеечка.
Я бы в душу к вам не лез, —
был бы видимый прогресс,
и наладилось бы в жизни — помаленечку.

БОМЖ-ПЕСНЯ

Мне, бездомному, не сладко
жить на этом белом свете:
сам себе кажусь загадкой,
будто чёрт меня пометил.
Ветер всё в лицо да в душу,
дождь за шиворот без меры...
ночью, будто кто-то душит, —
видно, — я уже не первый...

Мне бы чистыми руками
по щеке тебя погладить;
мне б со свежими носками
жизнь семейную наладить...
мне бы спать в своей кровати
в тёплой комнате у стенки,
и всегда, — пускай некстати, —
твои чувствовать колени...

Мне бы многого хотелось
в этой жизни безутешной:
чтоб душе пилося и пелось, —
без усилий и неспешно;
чтобы звёздочка в окошко,
чтобы дети и внучата,
чтоб удачи хоть немножко,
да, бутылочки початой...

Я бы жил на всю катушку,
а сегодня — в жизни тесно...
На глоток осталось в кружке...
Вот и... кончилась... песня....

ПАРОХОДИК

Пароходик, пароходик
уплывает, уплывает...
только кажется, что — вроде —
где-то музыка играет,
ведь на палубе — оркестрик,
и смычку, и скрипке тесно...
Улыбается маэстро, —
уж ему-то всё известно...

Это — странный пароходик, —
может, — нет его на свете...
солнце всходит и заходит,
и поёт счастливый ветер,
ведь на палубе — оркестрик,
и смычку, и скрипке тесно...
Улыбается маэстро, —
Уж ему-то всё известно...

Проплывает пароходик
по волнам моих желаний...
жизнь приходит и уходит
среди встреч и расставаний, —
а на палубе — оркестрик,
и смычку, и скрипке тесно...
Улыбается маэстро, —
уж ему-то всё известно...

Пароходик, пароходик
уплывает, уплывает...
только кажется, что — вроде —
где-то музыка играет,
ведь на палубе — оркестрик,
и смычку, и скрипке тесно...
Улыбается маэстро, —
Уж ему-то всё известно...

БАЕНКА

Неделя пятницею встанет —
а в сумке веничек лежит,
ведь баня — даже ночью манит,
и мне без бани не прожить!
Охай! — Не охнуть!
В баньке не засохнуть!
Веничек берёзовый запарь...
Охай, не охай...
Не жалеет Лёха:
банька-то по-чёрному, как встарь.

В парной, как в утреннем тумане,
и только веничек визжит...
ведь баня в жизни не обманет,
и мне без бани не прожить!
Охай! — Не охнуть!
В баньке не засохнуть!
Веничек берёзовый запарь...
Охай, не охай...
Не жалеет Лёха:
банька-то по-чёрному, как встарь.

И можно окунуться в ванне,
без пара — жить и не тужить...
но баня — даже ночью манит,
и мне без бани не прожить!
Охай! — Не охнуть!

В баньке не засохнуть!
Веничек берёзовый запарь...
Охай, не охай...
Не жалеет Лёха:
банька-то по-чёрному, как встарь.

Кому-то можно и без бани:
в нем банный дух давно изжит...
меня же баня — просто манит,
и мне без бани не прожить!
Охай! — Не охнуть!
В баньке не засохнуть!
Веничек берёзовый запарь...
Охай, не охай...
Не жалеет Леха:
банька-то по-чёрному, как встарь.

МОНАХ, ЛЕШИЙ И БАНЯ

Под вечер брусненский монах
поплёлся в баньку плоть запарить,
а леший в брусненских лесах
в то время тренькал на гитаре.
Но, как почуял банный дух,
гитару в сторону отбросив, —
душа ведь тоже бани просит, —
махнул через поповский луг.

Ночная пела тишина,
и волны в заонежской ванне
как будто шарили в штанах
монаха, жаждущего бани.
А леший лихо — без помех:
ни звука, ни шагов, ни шума, —
ведь был нечистый шибко умный, —
уже запаривал свой грех...

Монах, не ведая беды,
под мышку веник и — в парную...
А леший в капельках воды
растаял, молча негодуя.
Монах тихонечко потел,
гуляя веничком по телу,
и лешье тело с ним потело,
и пар, как будто бы густел...

Но лешаку такая прыть
монашья быстро надоела,
и он удумал проучить
монашье молодое тело:
вкруг бани трижды обежал,
поленом дверь припёр снаружи, —
захочешь выйти, так не сдюжишь, —
и от души на пар нажал...

Трещали камни в темноте,
и ковшик плавал, как в тумане —
монах до сердца употел, —
такого не случилось ране...
И плоть горела, как в огне
костра безумства и удачи...
Скуля в парилке по-собачьи, —
монах от жара весь звенел...

Нечистый, выбившись из сил,
сбежал из бани, — мат на мате, —
монах же пара всё просил, —
ему казалось, что не хватит.
Он поддавал и поддавал...
Уже и солнышко в окошко, —
а он кричал: ещё немножко, —
и лешего на помощь звал...

Но леший был уж не у дел,
в росе замачивая тело, —
Монашью прыть не углядел:
всё тело к чёрту припотело...
Нечисто-чистый обалдуй
так и не понял, что случилось...
И только сердце часто билось:
с монахом лучше не балуй...

БЕЛЫЕ НОЧИ В ГОРОДСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Ночи белые не гаснут —
прогуляться не опасно:
город спит, но всё он видит,
никого он не обидит.
Ночи дней на миг длиннее,
но люблю я их сильнее!

Звёзд на небушке не видно,
но нисколько не обидно.
Город рвёт туманы в клочья:
точек нет, — есть многоточья...
И волна ласкает камень...
Город наш гуляет с нами.

Он молчит, но с нами дышит.
Вы, ребята, пойте тише:
он услышит, хоть и старей.
Каблучки по тротуарам
звонко цокают.. Не спится
бывшим школьным ученицам.

Провожают своё лето,
ждут от города совета...
Не сердитесь на молчанье, —
это вам в любви признание.
Поклонитесь ему в ноги:
он вас любит, хоть и строгий.

Ночи белые не гаснут —
прогуляться не опасно:
город спит, но всё он видит,
никого он не обидит.
Ночи дней на миг длиннее,
но люблю я их сильнее!

ВЕТЕР НАДЕЖДЫ

Позолоти цыганке руку:
свою надежду успокой.
На встречу обменяй разлуку
и на дорогу – свой покой.
Туманным утром на рассвете,
когда уже не спит восток...
шагни туда, где дует ветер,
где ты всегда не одинок.

Уже давно молчит гитара,
и заскучали вечера.
Ведь были неразлучной парой
ещё вчера, ещё вчера.
Туманным утром на рассвете,
когда уже не спит восток...
шагни туда, где дует ветер,
где ты всегда не одинок.

Вчера привиделось в окошке:
сидят ребята у костра...
и заскребли по сердцу кошки:
уже пора, давно пора.
Туманным утром на рассвете,
когда уже не спит восток...
шагни туда, где дует ветер,
где ты всегда не одинок.

ВОЛЮШКА-ВОЛЯ

Загрустил казак по воле:
не блестят глаза в ночи, —
видно, выжженное поле
за околицей молчит...
В тишине станицы сонной
тяжелеет голова...
В небе звёздном и бездонном
затеряются слова:
воля-волюшка...
чисто полюшко,
позови к себе, успокой.
В радость и в беду
я к тебе приду,
если не уйду на покой.

Горе с болью вперемешку:
у беды своё лицо.
Под орлом российским решка:
не успело письмецо.
Мать-земля ответит стоном, —
только пуля и права.
В небе звёздном и бездонном
затеряются слова:
воля-волюшка...
чисто полюшко,
позови к себе, успокой.

В радость и в беду
Я к тебе приду,
Если не уйду на покой.

Казаку до слёз обидно:
шашка в ножнах на ковре, —
не нужна России, видно:
рак не свистнул на горе.
Спи, казак, за тихим Доном.
Русь пока еще жива.
В небе звёздном и бездонном
затеряются слова:
воля-волюшка...
чисто полюшко,
позови к себе, успокой.
В радость и в беду
я к тебе приду,
если не уйду на покой.

ВРЕМЕНА ГОДА

Когда в окно заглянет лето,
заполнив комнату теплом, —
весна потребует ответа:
откуда лето принесло?

А мы ответим откровенно:
не знаем, но — сомнений нет,
что лето просто неизменно
приходит много, много лет...

Когда осенними дождями
зальет сентябрь весь белый свет,
а лето песенку затынет:
откуда вдруг осенний след?

А мы ответим откровенно:
не знаем, но — сомнений нет,
что осень просто неизменно
приходит много, много лет...

Когда за окнами завьюжит, —
от осени вопросов жди:
где листья жёлтые и лужи,
и где осенние дожди?..

А мы ответим откровенно:
не знаем, но — сомнений нет,
зима ведь тоже неизменно
приходит много, много лет...

Когда с весеннею капелью
зимы вопросы прилетят:
откуда эти март с апрелем?..
нам ночи длинные простят,
что мы ответим откровенно:
не знаем, но — сомнений нет,
весна ведь тоже неизменно
приходит много, много лет..

ГОДЫ

Смолчит испуганная осень
и вмерзнет в зиму без труда,
свои одежды в поле сбросив,
оставив капельки стыда...

И я войду с осенней грустью
в замёрзший сад моих надежд.
Назад, конечно, не вернусь я,
устав от окриков невежд.

На тройке — весело и споро —
промчусь по снежной колее
и, потеряв на льду опору, —
очнусь в весенней полынье...
Сожгу в костре охапку листьев,
согреюсь, и — за солнцем вслед —
с букетом неуёмных мыслей
пойду встречать с тобой рассвет.

А днём — негаданно, неожиданно:
нальётся вишня — вся в соку..
и лето, — как всегда желанно, —
изгонит из души тоску.
Открою окна, — жарко в доме...
а за окном — дожди висят.
И осень в мутном небе тонет —
Уже полсотни лет подряд.

ДОРОГА ДО СМЕРТИ

Мы так жадно мечтали:
вольным ветром лететь.
Но при жизни застали —
только верную смерть.

А дорога до смерти,
как в бреду, коротка.
Нас на вертеле вертит
чья-то злая рука.

Затерялись могилы
по лесам — без дорог.
Жизнь давно научила
слышать грохот сапог.

По костям, как по трапу, —
своих жизней не жаль, —
мы идем по этапу:
собирать урожай...

ДОРОГА

Не говори мне никогда: прощай, —
я возвращусь ещё не раз, - ей богу:
и мы пройдем — и не одну — дорогу, —
об этом помнить обещаю.

Нам не нужны дежурные слова, —
в палатке и без них сегодня тесно...
Давайте лучше, братцы — нашу песню,
а остальное — трын-трава.

Друзья уходят чаще, чем вчера,
а значит встречи с ними всё дороже.
Давайте наши песни вместе сложим
и будем петь их до утра.

Не говори мне никогда: прощай, —
я возвращусь ещё не раз, — ей богу:
и мы пройдем — и не одну — дорогу, —
об этом помнить обещаю.

ДУША

Такая беспокойная душа,
что даже кажется кому-то странной...
Ей хочется творить, а не лежать
в объятиях старого протёртого дивана!

Ей хочется парить судьбе назло
над этим вечно захламлённым бытом!
Ей хочется дарить своё тепло,
и быть хоть кем-то в жизни не забытой!

Не запирается в душной тишине,
не прятаться под тёплым одеялом,
не восторгаться множеством монет,
не унывать, когда их слишком мало,

Ходить всегда по лезвию ножа,
безумствовать, советы отвергая,
куда-то вечно радостно бежать,
судьбой своей безжалостно играя!

И слышать вслед: безумно хороша!
И растворяться в розовом тумане...
Такая странная, но вольная душа, -
Такую, и захочешь, — не обманешь!!!

ЗНАКОМАЯ ПЕСНЯ

(песня чиновника)

Мы всё решаем порою ночной
за молчаливой, высокой стеной.
И не завидуйте нашим богам,
нашим большим волосатым рукам...
И не мечтайте, чтоб так же, как мы,
в лето уметь убежать от зимы...
Злитесь напрасно, друзья, — ерунда:
ваша беда — небольшая беда...

По пустякам поднимаете шум,
головы ваши распухли от дум;
тысячи дел перед вами встают, —
мы их решаем за пару минут!
Мы так мудры и собой хороши!
Мы — отражение вашей души!
Злитесь напрасно, друзья, — ерунда:
ваша беда — небольшая беда...

Если ж мелькнут у кого-то слова,
что загнивает у нас голова, —
мы всё услышим и — даже в ночи —
всё обмозгуем и — не промолчим.
Так что не пробуй, не пробуй опять
где-то прилюдно об этом сказать...

Только не злитесь, друзья, — ерунда:
ваша беда — небольшая беда...
Светит не вам, но — большая звезда!

Мы всё решаем порою ночной
за молчаливой, высокой стеной.
И не завидуйте нашим богам,
нашим большим волосатым рукам...
нашим большим волосатым рукам...

Как в жизни все грешно и чёрство!
Живём, как скажут... Нет нужды...
Как хорошо, когда – по шёрстке...
А хлеба нет, – давай воды...
Усталость валит на колени:
молись... а на хребтину – крест.
И сзади – вороватый тренер:
он за тебя поспит, поест...
Смешалось всё: весна и осень.
Кричи, – на крики наплевать:
их ветер по стране разносит.
Горюй, – устанешь горевать.
Пустым словам вернули славу.
Ума не надо, – нет нужды.
Нет прав, – есть крепостное право.
Нет коммунизма, – есть вожди.

КАРЕЛЬСКИЕ СТРАДАНИЯ

Где-то за туманами веселится лето,
а у нас за окнами хмурится июнь...
Если хочешь в лето ты достать билеты, —
перед сном через плечо за удачу сплунь...

Где-то за туманами не желтеет осень,
а у нас за окнами в сентябре дожди...
Если хочешь осенью не промокнуть вовсе, —
лучше на диванчике дома пережди...

Где-то за туманами и зима не злая,
а у нас за окнами стужа и снега...
Если хочешь, чтобы снег в мае хоть растаял, —
надо, чтобы вдруг заняла левая нога...

Где-то за туманами и весной, как летом,
а у нас за окнами хмуро и темно...
Если же не хочешь знать ты про всё про это, —
никогда и ни за что не смотри в окно...

Где-то за туманами всё благополучно,
а у нас за окнами нет календаря...
Но зато в Карелии — не бывает скучно, —
значит, наши годики не проходят зря...

КИРЗАЧИ-КИРЗАЧИКИ

По тропинке узенькой
мы идём с тобой.

У мальчишки усики
так и рвутся в бой...

Кирзачи – кирзачики...
Мы с тобой не мальчики, –
мы с тобой солдатики –
со своей судьбой.

От огня не плавимся, –
смертушкой пьяны ...

Может, и состаримся –
до конца войны ...

Кирзачи – кирзачики...
Мы с тобой не мальчики, –
мы с тобой солдатики –
нет на нас вины.

С кровью перемешана
дружба под огнём.

Мы с тобою грешные, –
но пока живём...

Кирзачи – кирзачики,
Мы с тобой не мальчики, –
мы с тобой солдатики:
нам нельзя живьём.

По весне отслужится, –
погоды чуток...

По закону мужества, —
я — с тобой, браток...
 Кирзачи — кирзачики...
 Мы с тобой не мальчики, —
 мы с тобой солдатики:
 знать, не вышел срок...
По тропинке узенькой
нам идти с тобой.
У мальчишки усики
Так и рвутся в бой...
 Кирзачи — кирзачики...
 Мы с тобой не мальчики, —
 мы с тобой солдатики —
 связаны судьбой.

КРОВОТОЧИНА

Кровоточит рана... Боль — по родословной.
Не успею жизнью насладиться впрок.
Не идёт Россия по дороге ровной,
будто где по пьянке ею дан зарок:
всё земное горе запихать в котомку
и нести по жизни, грузом дорожа;
и терпеть невзгоды, плача втихомолку,
и болеть душою, — за судьбу дрожа...
Кровоточит рана... Боль — по родословной...
Будто мне с рожденья присудили срок...
И сижу в России, бритой поголовно, —
ведь свобода, братцы, нам, увы, не впрок...

ЛЕДИ

Ах, эта прекрасная леди! —
Роскошные ручки да ножки!
Ах, эта прекрасная леди! —
Отдайте, - я съем всю до крошки...

Ах, эта прекрасная леди! —
Ведь даже причёска игрива...
Ах, эта прекрасная леди! -
Ну... как жигулёвское пиво...

Ах, эта прекрасная леди! —
Бела и румяна, — всё в меру...
Ах, эта прекрасная леди! —
Какие тут выдержат нервы?

Ах, эта прекрасная леди! —
С лениво-усталой улыбкой.
Ах, эта прекрасная леди! —
Как... к пиву солёная рыбка...

Ах, эта прекрасная леди! —
Маняще, кричаще, зовуще...
Ах, эта прекрасная леди! —
Не дебри, а — райские кущи.

Ах, эта прекрасная леди! —
На фоне любви к мерседесу.

Ах, эта прекрасная леди! —
На... стыке запойного стресса...

Ах, эта прекрасная леди! —
Не спрятаться, как и не скрыться.
Ах, эта прекрасная леди! —
Напиться и... - к чёрту забыться...

ЛЮБИТЬ ВСЕГДА

Прощальный стон своей судьбы
не замечаю и не слышу.
Я не устал и не забыл,
хоть колокольчик – тише, тише...
Случайный звук, случайный шаг,
случайный миг.. вся жизнь случайна.
Случайный друг, случайный враг,
случайны встречи и прощанья...

Я в этой круговерти рвусь
на части от своих изъязнов...
Во мне издёрганная Русь
бормочет про усталость пьяно.
А мне и грустно, и смешно:
не заблудись в лесу осеннем...
Любить на свете суждено –
и в первый день, и в день последний...

А НА МОРЕ

Беломорские качели:
то приливы, то отливы...
В нашей северной купели
волны больно говорливы...

Ветер северо-восточный —
и в лицо, и в бок, и в спину...
но всегда ходили кочи
в островную паутину.

За волной волна всё круче,
и взметает песню ветер,
и несут по небу тучи
всё, что помнится на свете...

От Поморья до Онега —
колокольный звон веками,
пробиваясь из-под снега, —
улетал над Соловками...

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Друзья уходят, — есть причины:
они устали, я устал.
Уходят крепкие мужчины,
освобождая пьедестал.
Болит душа! Не смейтесь, братцы.
В разлуке быть с самим собой,
в ногах у вечности валяться,
навек обиженным судьбой,
и жить под памятью дубины
с глазами честными займы?!!!
Уходят крепкие мужчины...
Надежда бывшая страны!

МОЙ ГОРОД

У города своё лицо:
плывут над озером туманы,
леса на городе кольцом
свои зализывают раны;
звонят по ним колокола,
молитвы тонут в поднебесье, —
а город вертится в делах,
как на пластинке — чья-то песня.
Ворчит во сне пенсионер
и матерится работяга...
натянут до предела нерв
под бело-сине-красным флагом!
За горизонтом тишина,
а в городе не спится людям:
болит хронически спина, —
так этот путь по жизни труден.
Скрипят от старости дома,
по улицам гуляют ветры;
крадётся с севера зима,
вползая в город незаметно.
Линяют краски и цвета,
и дни становятся короче.
Мой город от жары устал
и жаждет зимней длинной ночи.
Он стар и молод, враг и друг,
моя судьба, моё проклятье, —
но не пустой для сердца звук:

Мы с ним не кровные, но — братья.
И мне близка его печаль.
Я с ним всегда по жизни вместе,
Моя душа — с его плеча,
с его креста — я только крестик...

МОЙ ДОМИК

По дороге столбовой
мы идём с тобой домой.
Но: завалы на пути, —
ни проехать, ни пройти...
Где-то домик мой стоит:
в нём — ни жалоб, ни обид;
в нём тепло, и в окнах свет,
хоть ему немало лет.

Чаще верится с трудом,
что когда-нибудь дойдем...
Мы с надеждой не в ладу:
не на радость, — на беду..
Где-то домик мой стоит:
в нём — ни жалоб, ни обид;
в нём тепло, и в окнах свет,
хоть ему немало лет.

Знать, дорога далека:
не проложена в веках...
но назначено судьбой
нам пройти её с тобой.
Где-то домик мой стоит:
в нём — ни жалоб, ни обид;
в нём тепло, и в окнах свет,
хоть ему немало лет.

МОЯ РОССИЯ

На боку лежит моя Россия...
Ей бы приподняться да привстать...
Но – кого ж о помощи просить ей? –
Всех успела просьбами достать...
А самой?... Да, вроде бы, неловко:
Похоронный отыграл оркестр...
И лежит: при галстуке... в кроссовках...
И на шее не петля, а – крест...

ЭХ, БЕЛОМОРОЧКА

Вислоухий ветер в Белом море свищет,
и удачу ищут спяну рыбаки...
но твоя удача — как в кармане сдача...
а моя задача — править на буйки...

Эх, беломорочка!

Волна и лодочка...

А где ж селедочка? —

Не повезло...

Грустить заставила,
во льдах растаяла,
нарушив правила —
себе ж назло...

Даже дяде Коле в день его рожденья, —
что за наважденье, — тоже не везёт...
Но... к утру на печке — радуют сердечко
рыбные колечки... И жена поет:

Эх, беломорочка!

Волна и лодочка...

А где ж селедочка? —

Не повезло...

Грустить заставила,
во льдах растаяла,
нарушив правила, —
себе ж назло...

По лыжне — на север, а в ушах вопросом:
ведь оставит с носом беломорский лед???
Что бы там ни вышло, а судьба — не дышло:
на ветру не слышно, — может, — пронесёт..
Эх, беломорочка!
Волна и лодочка..
А где ж селедочка? —
Не повезло..
Грустить заставила,
во льдах растаяла,
нарушив правила, —
себе ж назло...

Всё в жизни нынче, всё - не слава Богу:
прыщавый мальчик тянет анашу;
мужик в пивнушке гонит прочь изжогу;
а в Думе выступает новый шут;
в любви клянутся партии и блоки;
эфир мордует ушное трепло...
Лишь солнце неустанно на востоке
встаёт и отдаёт свое тепло!

Начну опять, в который раз, сначала:
раскрою душу настежь, как окно:
когда-то там всё пело и плясало,
когда-то там всё было... но — давно.
Всё в жизни безнадежно устарело:
актёры поседели, режиссёр
командует давно уже несмело,
хотя ещё на язычок остёр.
И зрители уже не те, что были,
и зал не полон, а, скорее, — пуст,
и кресла зарастают пылью,
не распирает от избытка чувств...
Душа давно зализывает раны,
шершавым и уставшим языком...
Но, как бы ни казалось странным, —
с любовью к жизни я ещё знаком!
Жизнь коротка, но в детях — бесконечна.
Не стоит память часто ворошить.
Давайте заниматься вечным —
И жить,
 и жить,
 и жить,
 и жить!

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Я хочу проснуться сытым
и весёлым... Вот, — беда:
просыпаюсь вновь убитым —
на груди висит медаль...
Чья медаль, за что, откуда?..
Нет ответа на вопрос.
Я убитым вечно буду, —
до живого не дорос.
А на войне, как на войне:
ой, — нету весточки жене...
ой, как же хочется пожить,
ой, — только этому не быть...

Я речей чужих не слышу, —
так поверил тишине.
Я для этой жизни — лишний,
как — солдаты на войне.
Но меня жалеть не надо.
И не плачь, и не грусти.
Кто-то вечно будет падать...
Я — убит, а ты — живи...
А на войне, как на войне:
ой, — нету весточки жене...
ой, как же хочется пожить,
ой, — только этому не быть.

Я хочу проснуться сытым
и весёлым... Вот, — беда:
просыпаюсь вновь убитым —
на груди висит медаль...
А на войне, как на войне:
ой, — нету весточки жене...
ой, как же хочется пожить,
Ой, — только этому не быть...

НЕ ПРОМАХНИСЬ, АКЕЛА

Глаза потускнели в жестокой борьбе,
и сточены зубы Акелы.
И волки несут этот груз на себе,
и волки несут этот груз на себе, —
но в Стае появится смелый!
Не промахнись, Акела, не дури,
не промахнись — и будет всё, как прежде.
Не промахнись на краешке зари,
поставь, Акела, памятник надежде.

Под каждым кустом и на каждой скале
слышны в тишине пересуды:
Акеле готовится волчий билет,
Акеле готовится волчий билет, —
и день приближается судный.
Не промахнись, Акела, не дури,
не промахнись — и будет всё, как прежде.
Не промахнись на краешке зари,
поставь, Акела, памятник надежде.

И ждут неустанно в жестокой ночи,
всё реже ему уступая.
И только Акела всё чаще молчит,
И только Акела всё чаще молчит:
он знает, он знает, он знает...

Не промахнись, Акела, не дури,
не промахнись – и будет всё, как прежде.
Не промахнись на краешке зари,
поставь, Акела, памятник надежде.

«НОСТАЛЬЖИ»

О чём-то плачется порою:
глаза набухнут по-мужски...
Душа, наверное, не строит,
и сердце ноет от тоски.
А ночью голос чей-то звонкий
вдруг позовёт... Хоть и темно, —
сидят на лавочке девчонки,
уже забытые давно.
Весна гитарным перебором
звонит в ушах. Желток луны
висит над стареньким забором,
мальчишки от весны пьяны:
сирень ломают у соседа,
чтоб обменять на поцелуй;
владельцы двух велосипедов
любимым доверяют руль...
Лицо пылает от желаний:
не остывает голова...
Судьба потом, тайком обманет,
свои используя права...

Я просыпаюсь. Чьи-то тени
бесследно тают на стене...
И локон с запахом сирени
щекочет нежно руку мне.

ЭТО БЫЛО, БЫЛО...

Было... Забыл я... И только метель за окном...
Было... Забыл я... И ты мне твердишь не о том...
Что же осталось? — Остались короткие дни...
Только в ночи на Земле мы с метелью одни...

Было... Забыл я... У памяти жизнь коротка...
Было... Забыл я... Как будто пустил с молотка...
Что же осталось? — Ветрами напетая бьель...
Только и вижу — слоями осевшую пыль...

Было... Забыл я... Наверное, вдаль унесло...
Было... Забыл я... Как будто кому-то назло...
Что же осталось? — Осталась вселенская грусть:
всё оттого, что назад никогда не вернусь...

Было... Забыл я... Всё снегом опять замело...
Было... Забыл я... Темно, хоть и было светло...
Что же осталось? — Надежда стоит у ворот:
может хоть что-то она мне на память вернёт...

Было... Забыл я... И только метель за окном...
Было... Забыл я... И ты мне твердишь не о том...
Что же осталось? — Остались короткие дни...
Только в ночи на Земле мы с тобою одни...

НОЧЬ НА ДВОИХ

Мы этой ночью будем жить,
не отвлекаясь на сомненья.
И будет за окном кружить
неуловимое везенье...

И затеряются в ночи
вопросы наши без ответов.
Но — есть огарочек свечи,
и далеко нам до рассвета...

И не забудутся слова,
в глазах твоих в ночи растаяв, —
ты, как всегда, во всём права,
ведь мы от ночи не устали...

Гоню я солнца лучик прочь,
но время неизбежно тает:
и на исходе эта ночь,
а, что потом, — никто не знает...

ОБЛАКА

Облака плывут, облака...
так похожие на плакат.
А в ладони твоя рука —
так нежна она и легка!

И не верится тишине, —
вдруг ты скажешь мне тихо: Нет!
И останется только мне —
тенью быть на твоей стене?..

Сердце выпрыгнет на стекло
От того, что ты — прямо в лоб.
Не найду я в миг нужных слов,
затаю в душе только зло...

Облака плывут, облака...
но душа твоя... так близка,
что поверю я на века —
навыдумывал я слегка...

ОДИНОЧЕСТВО

Холодный вечер... Зябко на ветру..
И пятна луж кривыми зеркалами
Лежат озёрами в апреле между нами,
и – ни души на улице вокруг...

В бездонном небе спряталась луна...
Твоё окно мерцает одиноко
среди потухших до рассвета окон,
не веря, что пришла весна...

ОСЕНЬ

Заметелило листвою жёлтой...
Нахлебался я тоски вдосталь...
Не забуду, — не смогу просто:
лет запутанных своих до ста...

Улетели зимовать птицы...
Потускнели у друзей лица...
И жена на всё вокруг злится:
хорошо не за окном, - в Нищце...

А у нас уже — ледком лужи...
Затяни свой поясок туже...
Никому ты... А себе — нужен
среди этой на Земле стужи.

Заметелило листвою жёлтой...
Нахлебался я тоски вдосталь...
Не забуду, — не смогу просто:
лет запутанных своих до ста...

ПЕСНЯ О СТРАННОМ ЖЕЛАНИИ

Уйду в пустыню. Не вернусь домой.
Мой дом — пески, где всюду — по дороге:
куда ни глянь, выходит — по прямой;
куда ни встань, — у дома на пороге.

Там песня бесконечна, как душа;
там небо надо мною — вместо крыши.
Там нет, да и не надо, ни гроша, —
зато Земля со мною вместе дышит.

Там горизонт у чёрта на рогах,
но даль близка и вечностью согрета;
хрустит песок — ответом на зубах,
а, может быть, — от вечности приветом.

Моя судьба всегда в пути со мной.
Туда несут от этой жизни ноги...
Уйду в пустыню. Не вернусь домой.
Мой дом — пески, где всюду — по дороге.

По чём Россия? — Больно, братцы...
Поставлю свечку всем святым.
Так стыдно на миру́ признаться,
что наши помыслы — пусты...
Бредём куда-то... Тащат ноги.
За горизонтом тишина.
И нет проторенной дороги.
И не проставлена цена
за все грехи на этом свете...
Молиться? — Бог прощать устал.
Вздыхает новое столетье
под весом нашего креста.

ПОДАРИ СЕБЕ ДОРОГУ

Подарите мне дорогу:
с ветром, солнцем и дождем.
И удачи — хоть немного
за родительским порогом
утром, вечером и днем.

Я уйду в весну и в лето,
в осень с рыжим париком,
в зиму с ледяным рассветом,
потому что всем поэтам —
по Земле бродить пешком.

Подарите мне свободу
на весёлые дела,
и хорошую погоду,
чтобы год летел за годом,
чтоб зазнобушка была.

Улечу в такие дали,
что словам не долететь.
Позабуду все печали,
а в конце, как и в начале,
свои песни буду петь.

ПОДАРИЮ ТЕБЕ

Подарю тебе — дорогу на двоих,
чтобы — пролегла она в глазах твоих,
чтоб — в рассветах и закатах
видеть нас двоих могла ты, —
подарю тебе — дорогу на двоих.

Подарю тебе — туманы и дожди,
чтобы — снова нашу юность разбудить,
чтобы — в росах на рассвете
мне тебя, как прежде, встретить, —
подарю тебе — туманы и дожди.

Подарю тебе — онежскую волну,
подарю тебе — ночную тишину,
чтобы — дым костра не таял,
чтоб — летели птичьи стаи, —
подарю тебе — онежскую волну.

Подарю тебе — дорогу на двоих,
чтобы — пролегла она в глазах твоих,
чтобы — днями и ночами
пели птицы вместе с нами, —
подарю тебе — дорогу на двоих.

ПОЖЕЛАЙ СЕБЕ УДАЧИ

Костёр погас... и потянуло холодком.
Уже гитара от росы тихонько плачет...
На сон грядущий пожелай себе удачи,
ведь ты с удачей всё ещё знаком.
Дежурит верный у палатки дождь:
я знаю — никуда ты не уйдёшь.
Пока душа капризно не ворчит, —
держи под ковриком ключи.

Звенит ручей — не оборвавшейся струной.
Летит звезда, но — не последнее желанье.
И растворяются в предутреннем тумане
верхушки сосен, уносимые луной.
Дежурит верный у палатки дождь:
Я знаю — никуда ты не уйдешь.
Пока душа капризно не ворчит, —
держи под ковриком ключи.

Спина к спине, — теплей, конечно же, — вдвоём.
И засыпают не растроченные души.
Их сон ни ветру, ни рассвету не нарушить.
А мы тихонько колыбельную споем.
Дежурит верный у палатки дождь:
Я знаю — никуда ты не уйдешь.
Пока душа капризно не ворчит, —
держи под ковриком ключи.

КОГДА ВЕРНУСЬ ДОМОЙ

Я звал тебя с собой, — ты не хотела...
А там такое было!... Господи, — прости...
Душа, считай, до самых пяток пропотела,
и все грехи, наверно, Бог нам отпустил...

Домой вернусь я суток через десять,
из рюкзака достану тысячу причин —
метелью окна для начала занавесить,
чтобы теплее было нам вдвоём в ночи...

Я звал тебя с собой, — ты промолчала...
А там такое было!... Боже, — упаси...
Душа моя, видать, настолько отошала,
Что не могла проснуться, — сколько ни просил...

Я звал тебя с собой, — ты отмахнулась...
А там такое было!... Богу невдомёк...
Тебе, наверно, не раз во сне икнулось,
а я заснуть, икая, всё никак не мог..

Я звал тебя с собой, — ты не хотела...
А там такое было!... Господи, — прости...
Душа, считай, до самых пяток пропотела,
и все грехи, наверно, Бог нам отпустил...

ЧТО Ж ВЫ НЕ УСЛЫШАЛИ?

Что ж вы не слышали,
ветры по-над крышами?
Небо, как застывшее —
Кверху дном...
В полутёмной горнице
мать за сына молится,
и воркует горлица
под окном...

Чу, калитка скрипнула,
и гармошка сиплая
где-то тихо всхлипнула
у села...
А дожди осенние
за окошком сеяли,
и свеча растерянно
Плакала...

В стороне чужой вдали,
где сынка не сберегли,
гимнастёрка пятнами —
вся в крови...
А в руке у матери
только угол скатерти...
Сердце, будто взаперти, —
не трави...

Что ж вы не слышали,
ветры по-над крышами?
Небо, как застывшее –
кверху дном...
В полутёмной горнице
мать за сына молится,
и воркует горлица
под окном...

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Незаметно, незаметно
от меня уходит лето:
счёт на тёплые денёчки, —
осень не даёт отсрочки.

С ней — не встречи, а — прощанья
и пустые обещанья.

По дорожке, по дорожке
от меня уходят ножки.

И летят слова вдогонку
Недолюбленной девчонке.

С ней — прощания и встречи
каждый вечер, каждый вечер...

Молодые, молодые,
наши годы золотые,
не гоните, не гоните, —
пусть не опадают листья.

Пусть прощания и встречи:
каждый вечер, каждый вечер...

РОДНАЯ ПОЛОВИНКА

Где же ты, моя родная половинка:
глазки, ушки, носик, щёчки, шейка, спинка?
Что ж по свету бродят наши с тобой ножки?
Что ж так долго всё не сходятся дорожки?
Занавесочка-разлучница в окошке,
ну, раздвинься хоть на миг, ну, хоть немножко.
Я иду к тебе давно в жару и в стужу...
Неужели я такой тебе не нужен?

Ветер тучи в небе надо мной лохматит.
Сил бродить уж скоро по свету не хватит.
Но иду, пока сильны надеждой ноги,
По никем ещё не топтаной дороге.
Занавесочка-разлучница в окошке,
ну, раздвинься хоть на миг, ну, хоть немножко.
Я иду к тебе давно в жару и в стужу...
Неужели я такой тебе не нужен?

Как же так и почему, скажи на милость:
это с нами, а не с кем-то приключилось?
Вроде мы ни перед кем не виноваты,
но судьбой к высокой стеночке прижаты.
Занавесочка-разлучница в окошке,
ну, раздвинься хоть на миг, ну, хоть немножко.
Я иду к тебе давно в жару и в стужу...
Неужели я такой тебе не нужен?

Где же ты, моя родная половинка:
глазки, ушки, носик, щёчки, шейка, спинка?
Что ж по свету бродят наши с тобой ножки?
Что ж так долго всё не сходятся дорожки?
Занавесочка-разлучница в окошке,
ну, раздвинься хоть на миг, ну, хоть немножко.
Я иду к тебе давно в жару и в стужу..
Неужели я такой тебе не нужен?

РИТУАЛ

Звон в ушах бессонной ночи, —
отворяйте ворота:
Ванька с ночи пива хочет, —
ну, пришла опять беда...

Ах, горька в ночи забава,
хоть желанна и смачна...
Сладко-горькая отравка, —
как любимая жена...

И в избе казённо пусто, —
хоть шары по ней катай,
и в уме не очень густо:
то ль Россия, то ль Китай???

Голова бетонно звонка,
а в глазах — кровавый след...
Эх, родимая сторонка:
сколько лет, а — столько бед...

РЫНОК

Жаркий день в мороз трескучий:
руки стынут — ум в поту.
Есть ли в мире, где — покруче,
чем на рыночном посту?
На губах синеет вера,
хоть карман дырявый пуст.
Эх, ты, жизнь, какая ж стерва:
мало денег — много чувств.
Там, в тепле, колдуют чинно:
брать, не брать, отдать, не дать...
а на рынке гнутся спины —
это — наша благодать.
Я и сотне рад безмерно:
получил, — уйду в запой.
Кто-то есть и будет первый.
Я — не первый. Я — второй.
Матерюсь. А кто поможет?
Есть надежда, — нет пути.
Знать, опять не вышел рожей.
Наши рожи не в честі.
Жизнь давно уже не в жилу,
и давно себя не жаль...
Если уж не вышел рылом, —
хоть других не обижай!

СОЛО БЕЛЫХ НОЧЕЙ

Белые ночи на фоне уставшего лета.
Белые ночи... и дворник дежурно ворчит...
Белые ночи не знают, не знают рассвета.
Белые ночи... и город лениво молчит.
Просто, наверно, с надеждой совпало желанье.
Просто проиграно днём этой ночи пари.
Просто сегодня не будет у нас расставанья.
Просто тебе эту ночь я навек подарил.

Белые ночи... и солнце ещё не остыло.
Белые ночи... и в воздухе тают слова...
Белые ночи... и небо над нами застыло.
Белые ночи... и ты, безусловно, — права:
просто, наверно, с надеждой совпало желанье,
просто проиграно днём этой ночи пари,
просто сегодня не будет у нас расставанья,
просто тебе эту ночь я навек подарил.

Белые ночи... нечаянный звук и — затишье.
Белые ночи... и капли дождя нипочём.
Белые ночи... и звёзды на небе излишни.
Белые ночи... и день тут совсем не при чём:
просто, наверно, с надеждой совпало желанье,
просто проиграно днём этой ночи пари,
просто сегодня не будет у нас расставанья,
просто тебе эту ночь я навек подарил.

ТВОИ УСТАЛЫЕ ГЛАЗА

Твои усталые глаза во мне,
наверное, всё перемены ждут:
когда придут надежда и уют,
когда не будет просто слова «нет»,
когда вдвоём по утренней росе
мы пробежим с тобой, как и вчера,
когда дымком пропахнем у костра,
и — не зайдёт хмельной сосед.

Я знаю — ты уже устала ждать:
за поворотом — новый поворот,
дорога в рай за горизонт ведёт,
и надоело каждый день гадать:
когда вдвоём по утренней росе
мы пробежим с тобой, как и вчера,
когда дымком пропахнем у костра,
и — не зайдёт хмельной сосед.

Ещё не осень, — лето на дворе,
но пахнет ветром, снегом и дождём...
а мы всё солнышка в окошке ждём
и ждём весны неожиданной у дверей:
когда вдвоём по утренней росе
мы пробежим с тобой, как и вчера,
когда дымком пропахнем у костра,
и — не зайдёт хмельной сосед.

ПУСТЬ В СЕНТЯБРЕ

Стылый сентябрь подарил нам опять бабье лето:
женскому полу всегда не хватало тепла...
но ежегодно сентябрь, вспоминая об этом,
лето сжигает всегда неизменно дотла...

Что-то не то и не так происходит на свете:
осень с причудами, но, как хозяйка, — права...
только забудешь о так приглянувшемся лете, —
снова кружится от летней жары голова...

Солнце уставшим костром на ветру догорает,
бабьим теплом от души наполняя дома...
кажется: близко, так близко до самого рая...
но... это осень, а скоро наступит зима...

Где-то дожди затаились, устав от безделья...
только не надо с приходом их к нам торопить:
пусть в сентябре будет лето на этой неделе, —
дайте последний глоточек от лета испить...

ТУРЕЦКИЕ МОТИВЫ

Минареты, как ракеты,
стерегущие меня
от вопросов и ответов, —
по-турецки мир храня...

В море лунная дорога
убегает, вдаль маня,
под Аллахом и под Богом
по-турецки мир храня...

На вершинах гор Аланьи
нет ни снега, ни огня,
но сбываются желанья,
по-турецки мир храня...

Под жару на посошочек
выпью раки, вкус ценя,
и на свой — на северочек,
по-турецки мир храня...

УЛЕТАЮТ ПТИЦЫ

Улетают к югу птицы.
Им нельзя остановиться.
Им на юг, а мне на север:
где порой себе не верят,
где ночами мне не спится.

Ветер дует из-подмышки,
а вокруг: всё лес да... вышки...
где-то день бредёт заветный...
холодок в груди рассветный:
не вернуть того мальчишку.

Не буди меня до срока:
снова будет одиноко.
Птицы мимо пролетают,
и надежды в небе тают —
незаконченным уроком...

Упаси меня, Господь, —
вором быть или бандитом;
жить убийцей, пасть убитым,
всё забыть и быть забытым,
дураком прожить набитым...
Упаси меня, Господь!

УХОЖУ

Ухожу... (устало сердце),
как и все единовѣрцы,
в никуда, где быль иль небыль, —
знает только Он!

Ухожу... Кивок прощальный
станет просто обещаньем:
полюбить, как землю, небо
и блюсти Закон...

Ухожу... Уж так совпало:
просто тело подустало,
просто — времени не стало
на себя ворчать...

Ухожу... вдвоём с рассветом,
чтобы песней недопетой,
как струной, тобой задетой, —
в тишине звучать...

ЧАСТУШКА

А в России пыль столбом:
битва не кончается —
прошибают стену лбом, —
лампочка качается.
Синяком не обойтись, —
хлещет кровь канавою...
Что нам, к чёрту, чья-то жизнь?
Завсегда мы правые!
Ой, ты, горе, — горе не беда...
Мы с тобой весёлые всегда.
Что нам к черту чья-то жизнь?
Завсегда мы правые.

Руки чешутся, — беда:
и к деньгам, и к выпивке...
В драке тоже нет вреда, —
мы дубильной выделки.
Рвём рубаху на груди —
нам ли в чём-то каяться?...

Пусть весь мир от нас гудит, —
ох, — еще намается!.....

ЧЕРНО-БЕЛОЕ

Чёрно-белая усталость
мне от прошлого досталась
и ведёт меня по кругу —
с круга не свернуть.
По восходам и закатам
я игрушечным солдатом
марширую — круг за кругом:
маленький, но... путь...

Чёрно-белыми рядами...
кто отстал, — уже не с нами...
на придуманном параде
мы идём с тобой...
Голосистый запевала
нам поёт — что ни попало.
И уже там кто-то сзади
так и рвётся в бой...

Чёрно-белая картина:
вечно сгорбленные спины,
и разносится по свету
наш чеканный шаг:
Монотонно, монотонно...
смех и... стоны... смех и... стоны...
Только песня не допета:
и звенит в ушах...

Честь имею кланяться... — чести не останется...
только и останется — сгорбленной спина,
да рука — протянута, да душа — обманута,
поясок — затянутый, да в глазах — вина...

Жёлтый лист в глазах мелькает:
всё куражится страна.
Скоро всех она заставит
быть пьянее без вина.
А потом — единым строем:
в никуда, куда ведут..
Есть в стране свои герои,
и у них характер крут!
Не дадут нам ни покоя,
ни вздохнуть, ни умереть,
и умело правду скроют,
и заставят песни петь
на поминках у свободы...
Закопают без креста...
Есть народ, и... нет народа, —
есть свободные места.

Холодно. Холодно. Очень холодно.
Серое утро. Пасмурный день.
Господи, что ж ты бросаешь мне под ноги
чью-то чужую тяжёлую тень?
Господи, где ж твоя кара небесная?
Не отвечай, всё равно не пойму.
Клетка российская больно уж тесная...
Да и на шее хомут.

Я ВЕРНУЛСЯ

Я вернулся... Дверь открыта...
Эй!... Но... некому ответить...
Всё меняется на свете...
Был — своим, а стал — забытым...
Только в зеркале на счастье
всё осталось, как и было:
память вечностью застыла —
той запомнившейся частью...

ДОЖДИ НА ПАМЯТЬ

Дожди...
Ночей бессонных тишина...
Дожди...
И вид на память — из окна...
Она всегда себе верна, —
мы выпьем всю её до дна...

Дожди...
Неутомимый метроном...
Дожди...
Они стучатся прямо в дом,
напоминая об одном —
что мы с тобой ещё живем...

Дожди...
По крышам стук далёких лет...
Дожди...
Случайным эхом кастаньет
растают в небе, как во сне,
оставив пятна на стене...

Дожди...
Ночей бессонных тишина...
Дожди...
И вид на память — из окна...
Она всегда себе верна, —
мы выпьем всю её до дна...

ВРЕМЯ

Быстротечна жизнь на воле,
хоть и кажется раздольем
для беспечного подростка, —
всё ему легко и просто,
время, будто бесконечно,
если жив, здоров, конечно...

А когда тебе за сорок, —
каждый день на воле дорог!
Что там день! — и час, минута
могут жизнь всю перепутать...

Говорят, что время — лечит...
Но... его лечить нам нечем...